

Темперамент, страсть и обаяние Арбеняна—Куликовского идут сквозным потоком через весь спектакль. Они привлекают все внимание зрителя. Но главный смысл драмы может быть вскрыт только во взаимодействии всех характеров и судеб. А все образы, кроме Арбеняна, лишь иллюстрируют его драму. Зрителю неясна судьба Неизвестного и Казарина (А. Руккер и П. Скворцов). В чем различные причины ненависти каждого из них к Арбеняну и какова их собственная роль в этом порочном мире? Ответа на эти вопросы в спектакле вы не найдете.

В образе баронессы Штраль арт. Р. Юренина выделяет только чувственно-любовную тему, только страсть к князю Звездичу. Но, как одна из законодательниц маскарада чувств, в спектакле она не вырастает. Да и в трактовке роли Звездича (арт. В. Лещев) уходит от лермонтовских обобщений.

Требовательный коллектив не должен удовлетворяться, даже в тех случаях, когда достигнут внешний успех. Мог ли Иркутский театр гораздо полнее донести смысл драмы Лермонтова? Безусловно, мог. Что же помешало этому? Нам кажется, что и здесь, проникнув глубже в проблемы драмы, ощутив особенности романтической темы, театр сумел бы пронести эту тему через судьбы всех героев. Нынешняя трактовка «Маскарада» сузила и ограничила замысел, обеднила его воплощение.

По-своему обеднен замысел антора и в «Морали пани Дульской» Г. Запольской, что снижает социальную значимость этой талантливо написанной «мещанской трагикомедии». Режиссер А. Павлов, безусловно, упростил основной конфликт пьесы. Тему разоблачения мещанства он истолковал слишком уж прямолинейно. И, прежде всего, это видно на примере образа Збышко. Режиссер повел артиста А. Тишина к неверной трактовке этой роли. В пьесе ясно показано, как ханжеская, лживая мораль пани Дульской губит ее детей, превращает их в законных мещан, убивает в них все здоровое, человеческое. И в Збышко эта гнусная буржуазная мораль душит умного, понимающего, по натуре доброго человека. Он не кабацкий франтик, его шатание по ресторонам — это уход от ужаса мещанской жизни. Да, в будущем он станет вторым

паном Дульским, но сейчас он тяготився своей судьбой, он понимает, куда он катится, горечью и сарказмом он обличает и тех, кто его губит, и себя самого. Одним словом, это очень противоречивая, сложная натура. В спектакле она упрощена, сведена к прямолинейному истолкованию. Збышко—Тишин гуляка, мерзавец, подло обманувший крестьянскую девушку Ганку. Такая трактовка резко нарушает смысл конфликта Збышко с матерью, пани Дульской. Сейчас его искреннее желание жениться на Ганке звучит не как протест, не как стремление «уничтожить душу всех грязных дел в этом доме», а как мальчишеская выходка, как затея насолить матери. В спектакле не раскрыта трагедия Збышко, не показано, как «человек прорвался, а потом придавлен». Ничего этого мы не видим, ибо перед нами чисто комедийный персонаж.

И тут мы опять со всей очевидностью убеждаемся в том, как упрощенное, одностороннее понимание стиля и жанра пьесы приводит к неверному раскрытию содержания. Режиссер свел конфликт к чисто комедийному, отбросив драматическое начало «трагикомедии». Также прямолинейно решается и образ Хеси (М. Бойко). Она показана, как уже законченная мещанка, а процесс ломки юной, неустойчивой натуры выпал из поля зрения режиссера и актрисы.

Тут нужно огорчиться. И Тишин, и Бойко играют совсем неплохо, они проявляют определенный мастерство, но неверная трактовка уводит их в сторону от замысла автора. Поэтому и спектакль звучит несколько легковесно. Серьезное человеческое начало, горьковский смысл темы мещанства утеряны. И к тому же тут приводит, как мы видели, навязывание несвойственной данной теме комедийной трактовки.

Иное дело комедия Б. Нушича «Доктор философия». Вот здесь, чем острее будут средства комедийной обрисовки характеров, тем полнее раскроется содержание, тем активнее донесет его театр до зрителя. Режиссер С. Казимировский, художник Н. Шеметов и большинство исполнителей хорошо поняли это, они полнокровно ощутили «сменную» природу пьесы Нушича, ее стиль, ее своеобразную жанровую окраску. Острое чувство стиля Я жанра помогло большинству исполнителей полнее и разностороннее проявить грани своих дарований.

Так, артистка И. Боброва с истинным мастерством разоблачает продажное существо мещанки Клары. В ее игре нет нажима внешнего комикования, актриса ловко маскирует свою героиню чертами кажущейся наивности, а потом постепенно обнажает ее подлинную сущность. И то, что А. Тишин в этом спектакле очень живо органично изображает европейского недоросля Милорада; что артисту А. Харченко удается богато проявить свое сочное комедийное дарование в роли коммерсанта Животы; что артист А. Руккер увлекателен и по настоящему смешен в образе Благоя, что даже маленькие эпизодические роли профессиональных лжесвидетелей Сойки и Симо с веселым блеском сыграны А. Араповой и В. Венгер — все это итог умелой реализации верного в основе своего замысла.

Когда спектакль выстроен на крепком фундаменте, то даже те промахи и ошибки, которые в нем допущены, а они, безусловно, имеются и в «Докторе философии», не могут разрушить яркого впечатления.

Сейчас нам часто приходится слышать справедливые призывы к тому, что каждый театр должен иметь свое лицо. Законно стремиться к этому и Иркутский обдирма-театр. Анализ его текущей деятельности показывает, какие трудности нужно еще побороть талантливому коллективу на этом нелегком, благородном пути. Какие позиции нуждаются в пересмотре, что является давно пройденным этапом и требует решительного преодоления, а что уже завоевано театром в его борьбе с серостью, нивелировкой и сдинообразием. Все эти вопросы могут стать предметом самого широкого и нелицеприятного обсуждения, как внутри коллектива, так и за его пределами.

В ближайшей дни в театральной жизни Иркутска должно произойти крупное событие. Всероссийское Театральное Общество проводит в Иркутске межобластное творческое совещание, посвященное проблемам актерского мастерства. Спектакли Иркутского театра просмотрят представители театров Улан-Удэ, Читы, Черемхово. В совещании примут участие и театральные деятели столицы. Неизбежно разгорится боевая дискуссия. И очень хотелось бы, чтобы вопросы, поднятые в этой статье, послужили толчком для плодотворных споров, для смелой и острой творческой полемики.

Ю. ГРАЧЕВСКИЙ